

Анатолий Алексеев-Апраксин

ОБРАЗЫ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Процессы взаимодействия, конвергенции и синтеза культур дают богатый материал для изучения истории и современности, поскольку представляют собой один из основных ресурсов развития мира. Межкультурные контакты располагают к сравнениям и оценкам, утверждают необходимость сохранения этнического своеобразия и в то же время порождают стремление к инновациям и нововведениям. Знакомство с Другим позволяет лучше осознать основания собственной культуры и культурные коды других народов, способствуя выявлению универсалий и обогащая каждую из сторон заинтересованного общения опытом самопознания. В статье утверждается, что, несмотря на политическую неопределенность, в России формируется положительный образ Японии. Отмечается, что наибольший интерес вызывают не унифицированные глобализацией культурные феномены, а специфическое, уникальное, японское. Разбираются примеры удачных заимствований в технологической области, повседневной жизни, художественной сфере, этике и эстетике. Значимыми, хотя и не массовыми, признаются рецепции выработанных в Японии практик самоактуализации, способных снижать невроз потребительской активности и привносить в жизнь гармонию и равновесие. В частности, речь идет об учении дзен. Выявляя наличие позитивного потенциала во всех сферах межкультурных контактов и отсутствие значимых конкурентных сред, автор приходит к заключению, что отношения между Россией и Японией могут строиться на принципе взаимодополнительности.

Ключевые слова: полилог, образ Японии, мышление, интеллектуальная традиция, философия и культура, истина, разум.

The processes of interaction, convergence, and synthesis of cultures provide rich material for studying history and modernity, as they represent one of the main resources for the development of the world. Intercultural contacts have comparisons and assessments, argue the need to preserve ethnic identity, and at the same time generate a desire for innovation. Acquaintance with other cultures makes it possible to better understand the bases of one's own culture and the cultural codes of other peoples, contributing to the identification of universal values and enriching each side of the communication with the experience of self-knowledge. The article states that, despite political uncertainty, Russia is developing a positive image of Japan. It is noted that the most interesting cultural phenomena are not created by globalization, but by specific, unique Japanese factors. There are examples of successful borrowings in the technical and technological field, everyday life, art sphere, ethics, and aesthetics. Significant, though not massive, are the receptions of Japan's self-actualization practices, capable of reducing the neurosis of consumer activity and bringing harmony and balance to life. In particular, the author talks about Zen, which suggests that we should take life as a spontaneous, intuitively conscious act and encourages intellectuals to exit from textual limitations. Identifying the presence of positive potential in all areas of intercultural contacts and the absence of significant competitive environments, the author concludes that relations between Russia and Japan can be built on the principle of complementarity since there is a powerful potential for mutually enriching cultural exchange.

Keywords: polylogue, image of Japan, co-thinking, intellectual tradition, philosophy and culture, truth, reason.

В своей статье я хочу акцентировать внимание на эвристическом потенциале межкультурных контактов, а также очертить образ Японии, сложившийся в современной России, и продемонстрировать многообразные формы рецепций, на которые нас сподвигает этот образ.

Очевидно, что современный мир полнится и развивается межкультурным взаимодействием, причем форм взаимных рецепций, конвергенций, синтеза культур сегодня несть числа. Они охватывают сферы выживания, восстановления и способов самоактуализации людей. Думаю, не будет большим преувеличением сказать, что все происходящее в современной экономике, политике, науке, праве, искусстве, религиозной и повседневной жизни – все это результат контактов между культурами, между людьми. Значение заинтересованного межкультурного общения, тем более философского диалога, трудно переоценить. Такие встречи вводят нас в сравнительное поле оценок, порождают стремление к инновациям и нововведениям. Кроме того, они позволяют лучше осознать основания собственной культуры, культурные коды других народов и в силу взаимосвязанности глобальных коммуникационных процессов имеют необозримое количество следствий [8, с. 17–26]. Да и с сугубо культурологической точки зрения, направленные на кросскультурную проблематику исследования обречены на успех, поскольку им сопутствуют, как минимум, два вида открытий: 1) выявления сходства – знаний, выведенных независимо друг от друга из разного культурного опыта, 2) знаний, открывшихся и оказавшихся востребованными в разное время, в разных культурных пространствах, у разных народов [1, с. 242–252]. Кросскультурные исследования способствуют также выявлению культурных несовпадений, что позволяет открыть те стороны реальности, о которых мы, возможно, до встречи этого «разного» даже не подозревали или не обращали на них внимания, воспринимая наличествующие в собственной культуре практики как само собой разумеющиеся. Другими словами, встреча с Другим обогащает нашу саморефлексию.

Исследуя разнообразные кросскультурные взаимодействия между Западом и Востоком, проводя конференции по данной проблематике, общаясь со студентами, следя за литературой в данной области, мы наблюдаем не просто стабильный рост интереса к культуре Японии в разных сферах, но и появление новых культурных

феноменов, возникающих вследствие очарования японской культурой [2]. Этот интерес перерастает в культурные практики, посвоему преломляемые в культуре разных слоев населения.

Обобщая свои наблюдения за формами рецепции японской культуры в Петербурге и России в целом, я пришел к ряду выводов. Несмотря на неопределенность политических отношений между Россией и Японией, которые лишь изредка прерываются оттепелями, в сознании россиян сложился весьма многогранный и в целом позитивный образ Страны Восходящего Солнца. Образ этот во многом мифологический, поскольку не так много людей посещали Японию и имели непосредственный контакт с ее представителями. Однако распространению комплиментарных представлений о Японии это не мешает, а возможно, и помогает. Япония предстает перед нами в идиллическом свете, и этот «положительный имидж» – хороший задел для настоящего и будущего развития межкультурного взаимодействия. Нам импонируют пронизательность и любознательность японцев, верность своим традициям даже в инновационной деятельности, открытость другим. Недостаток личных контактов сегодня отчасти компенсируется возможностями информационной оснащенности. В свою очередь, режим общения облегчается благодаря глобальной унификации этикета и коммуникативных практик. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что интерес для большинства россиян представляют все-таки не унифицированные глобализацией культурные феномены, а специфические, японские [7].

Рецепции японской культуры (как и форматы любого межкультурного взаимодействия) могут быть рассмотрены и изучены на предметно-вещественном, символическом и трансперсональном уровнях. Каждый из них имеет связь с онтологическими культурными основаниями: выживанием (адаптацией к среде), поисками способов восстановления (рекреацией) и самоактуализацией (включающей в себя специфические способы трансцендирования и трансгрессии). Данные параметры помогают представить стихию кросскультурных практик наших соотечественников в более-менее систематическом виде и хотя бы немного приблизиться к правдоподобному пониманию-описанию происходящего [5].

Итак, за что мы любим Японию? На уровне прагматическом, с точки зрения развития способов выживания и адаптации, Япония предстает для большинства россиян страной будущего, которая,

как говорилось в старом советском анекдоте, в технологическом плане обогнала нас навсегда. Хотя следует отметить, что параметр этот переменчив, и еще сто лет назад все было иначе. Однако в меньшей исторической перспективе Япония продолжает для нас представлять трудно достижимый образец технологической продвинутой. Это делает честь Японии, которая вследствие наличествующего потенциала в отношениях с Россией располагает мощным репутационным капиталом. Данное обстоятельство позволяет с оптимизмом воспринимать и имеющуюся аналитику, осуществляющуюся политиками и экономистами, курирующими данные процессы отношений наших стран. Ведь согласно этой аналитике, «прелесть» нашего взаимодействия в прагматической сфере сотрудничества состоит в том, что наши ресурсные потенциалы и экономики не конкурируют друг с другом. То есть мы можем развиваться, основываясь на принципах взаимодополнительности. Данный тип рецепции верен не только в отношениях межгосударственных. Сегодня в поисках способов повысить эффективность многие деловые люди и перспективные компании используют многообразные японские технологии и в медицинской сфере, и в сферах маркетинга и менеджмента. Они, кстати, готовы поделиться опытом. Это, полагаю, также ценная и небезынтересная для японских коллег форма рецепции.

Как мы отметили вначале, достаточно независимо от прагматических рецепций и, пожалуй, еще более продуктивно осуществляются контакты в сфере символических рецепций японской культуры. Как правило, они входят в нашу культуру в качестве паллиативных и рекреационных практик. В России, как известно, популярны караоке, икебана, нэцке, чайные церемонии. Нам интересна история средневековой Японии. Дети любят комиксы, а также настольные и компьютерные игры «Синоби», «Сёгун. Битвы самураев», «Shogun: Total War» и др. Взрослые и пожилые с удовольствием решают японские кроссворды «Судоку». У нас даже существует всероссийская федерация игры в ГО. Нельзя также не заметить попытки адаптировать японский дизайн, который активно используется в полиграфии, оформлении интерьеров, украшении ландшафта. Например, «японские горки» украшают не только наши дворы и парки, но и многие дачные и садоводческие участки. Подобное сооружение я обнаружил даже на территории Александро-Невской лавры. Это свидетельствует о том, что дан-

ная форма рецептов японской культуры востребована и служит приумножению прекрасного, способствует развитию и усложнению нашего символического пространства.

Свидетельством расширения диапазона нашего рекреационного культурного пространства можно признать популярность японской гастрономической традиции. Даже статистически в Петербурге и, полагаю, многих других городах России число японских ресторанов и суши-баров значительно превосходит количество заведений местной или какой-либо другой отдельно взятой национальной кухни. Усилиями креативщиков эти инокультурные гастрономические заведения в маркетинговых коммуникациях предстают дружескими, своими. Это прочитывается уже в самих названиях японских заведений – «СИДЭ», «КИДО», «Две палочки», «Япоша» и т. д. Даже местная кухня – блины, борщ, жареная картошка – подается сегодня как анти-суши.

Нельзя не отметить и небывалую популярность среди молодежи j-рока, японской манги и особенно анимэ. Сегодня в России это весьма многочисленное субкультурное сообщество (со своим языком, ценностями, моделями поведения), формирующее целую индустрию, о чем свидетельствует появление и развитие множества аниме-клубов и косплей-фестивалей (Animatsuri, Tanibata, Отакун, ANI.MA.U, Mikan no yuki, Siberia Otaku Saiten, Дай-Фест и др.). У наших косплейщиков и анимешников имеются собственные СМИ («АниМаг», «Аниме Гид», «ProCosplay», «Мир Аниме», «РуМанга» и др.), они организуют школы, студии («Реанимедиа», «Мир Аниме», манга-студия «Hibari» и др.), создают специализированные магазины («Animefan.ru», AnimePoint, Фаст-Аниме и др.). Мало того, это увлечение оказалось столь захватывающим, что в «полифонии идентичности» подростков вымышленные аниме-миры становятся культуuroобразующими доминантами, а реальный мир отечественной культуры для некоторых из них становится второстепенным. Очевидно, что этот чрезвычайно яркий, актуальный и во многом проблематичный феномен требует всестороннего изучения.

Еще одно наблюдение касается заимствований у Страны Восходящего Солнца выразительных возможностей коммуникации, особенно в среде молодежи, любящей все новое просто потому, что оно новое. Так, в последнее время получило широкое распространение использование эмодзи. Эти разнообразные идеограммы и

любимые многими смайлики, передающие эмоции, зачастую полностью замещают текст и активно используются в межличностном общении, а также в сфере рекламы и массовых коммуникаций.

Другая форма рецептов – стихи. Отечественных интеллектуалов уже, пожалуй, с Серебряного века вдохновляет лаконичность японских стихотворных форм. Однако сегодня мы видим, что присущие японской поэзии танка и хойку недосказанность и вместе с тем яркая образность и краткость столь хорошо вписались в нашу пресыщенную информацией жизнь, что послужили причиной популярности поэтического творчества в современной России. Например, в такой шутилой форме, как «стишки-порошки», представляющих собой яркие словесные образы, способные вписаться в смс-сообщение.

Что же касается официальных форм организации символического уровня рецептов японской культуры, то они основываются на общем понимании важности взаимного представления национальных достижений. Реализуя договоренности и программы культурного обмена, Россия и Япония сегодня осуществляют большие и малые проекты, которые можно классифицировать как «предстояние» традиционных искусств. Эти формы межгосударственного взаимодействия, курируемые правительствами и дипломатическими службами, как правило, знакомят зрителя с искусствами, претендующими на эталонность и аутентичность. Их цель – просветительский диалог и демонстрация культурной идентичности. Например, в Санкт-Петербурге каждый год проходят фестивали «Японская весна», «Японская осень», «Сад удовольствий» и многие другие мероприятия. В этой сфере рецептов, как и прежде, литература служит усложнению представлений о мире [6, с. 148–157], музыка и театр – расширению диапазона культурных практик рекреации и самоактуализации [3], изобразительное искусство, мультипликация и кинематограф – обновлению культурных форм и выявлению зон сближения между культурами. Все это хорошо освещается в СМИ, чего не скажешь о рецепциях японской культуры трансперсонального плана.

Данный тип рецепции никогда и нигде не бывает многочисленным. Тем не менее, он также находится в активе [9, с. 156–166]. Например, образцом для нас выступает демонстрируемое японцами бережное отношение к природе. И хотя в Японии это, вероятно, имеет синтоистский бэкграунд, для нас эти практики не

чужие. Они находят свою опору в пантеистических и прочих традиционных представлениях наших соотечественников. Многих восхищает и даже вызывает желание приобщиться этическая высота установок японцев, зафиксированная в традиционных текстах от кодекса бусидо до обета бодхисатвы. Помнится, когда в 2011 г. наши федеральные каналы сочувственно освещали события на Фукусиме, журналисты не могли не скрыть своего восхищения взаимовыручкой японцев, полным отсутствием мародерства и каких-либо иных форм наживы на пострадавших.

Освещая практики самосовершенствования, следует упомянуть о непреходящей популярности в России японских единоборств. Что же в них для нас притягательно? Полагаю, то, что в отличие от западных видов спорта, упор в них делается не на рекорды, а на внутренний рост. Когда я однажды заглянул в спортивную школу по дзюдо на Кондратьевском проспекте, я увидел там кучу веселой малышни и вывешенные на стене 10 заповедей юного дзюдоиста. О чем они – о победе любой ценой, о наградах? – нет. Они о том, что настоящий дзюдоист должен уважать старших, не врать, никогда не обижать слабых, сохранять достоинство в любых обстоятельствах, владеть инициативой в любом начинании, уважать противников, внимательно наблюдать за собой и обстоятельствами повседневной жизни и т. д. Весьма свежим и глубоким показались мне и обращения к родителям. Например, совет: *никогда не сравнивать своего ребенка с другими детьми, но только самого с собой.*

Говоря о формах рецепции трансперсонального опыта, нельзя обойти вниманием и развитие в России такой японской формы самоактуализации, как дзен. В Петербурге, Москве и других городах России этот вид буддизма хоть и не является преобладающим, но представлен несколькими общинами практиков, поддерживающих тесные связи с японскими держателями традиции. Однако, на мой взгляд, ценность и значение дзен распространяется значительно шире интересов практикующих его буддистов. Дзен обладает огромным культуротворческим ресурсом, он позволяет человеку вырваться за рамки устоявшихся ментальных и институциональных стереотипов. Обладая широким арсеналом психофизических практик, которые учат проживать жизнь как спонтанный и интуитивно осознанный творческий акт, дзен снимает невроз потребительской активности. Он оказывается полезным

гуманитариям, стремящимся вырваться из текстовой ограниченности, привносит в жизнь гармонию и равновесие. Полагаю, что эти достижения японской культуры нужны не только России, но и всему глобальному миру и что значение их трудно переоценить.

В заключение, выходя на более высокий уровень обобщения, я хочу отметить, что трудно найти столь отличающиеся друг от друга культуры, как японская и русская. Однако межкультурное общение, освоение знаний и опыта других культур наиболее эффективны, если это культуры разные [4, с. 211–216]. Причем чем сильнее различия, тем лучше. То есть встреча с принципиально иными содержаниями и формами организации культурных пространств обеспечивает культурным реципиентам наибольшие возможности для развития собственной культуры, понимания ее своеобразия, а также покрытия имеющихся дефицитов [10]. В этом, на мой взгляд, как раз и кроется непрекращающийся интерес России к Японии. Другими словами, различия создают мощный эвристический потенциал для взаимно обогащающего культурного обмена.

Литература

1. *Spivak D.* Dialogue and Heritage in the Cultural Strategy of UNESCO // Culture and Dialogue. 2017. No. 5.
2. *Афанасьева Л.В.* Россия и Япония: от контактов к взаимодействию: канд. дис. по спец. 24.00.01 – теория и история культуры. СПб., 2014.
3. *Афанасьева Л.В.* Взаимодействие России и Японии в театральной сфере // Научное мнение: научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. 2013. № 10.
4. *Евлампиев И.И., Малинов А.В., Рыбас А.Е.* Четвертые международные чтения по истории русской философии «Российско-японский философский диалог», 20–22 сентября 2016 г., Институт философии СПбГУ // Вопросы философии. 2017. Вып. 10.
5. *Ларионов И.Ю., Соколов Б.Г.* Мыслить (со)временность. Блок «Z»: зона сознания. СПб.: Изд-во РХГА, 2017.
6. *Мирошникова Е.П.* Издание японской художественной литературы в России // Studia Culturae. 2016. № 29.
7. *Подалко П.Э.* Япония в судьбах россиян: Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии в конце XIX – начале XX века. М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2004.
8. *Рыбас А.Е.* Структурные компоненты межкультурного пространства // Studia culturae. 2013. № 18.
9. *Смертин Ю.Г.* Японский необуддизм: восточный идеализм и западный прагматизм // Studia Culturae. 2014. №. 22.

10. Современные российско-японские отношения и перспективы их развития / Гл. ред. И. С. Иванов. М.: Спецкнига, 2012.

Alekseev-Apraksin, Anatoly M. *Images of the Japanese culture in modern Russia*

References

1. Spivak, D. Dialogue and Heritage in the Cultural Strategy of UNESCO, in *Culture and Dialogue*, 2017, no. 5.
2. Afanaseva, L.V. *Rossiya i Yaponiya: ot kontaktov k vzaimodejstviyu* [Russia and Japan: from contacts to interaction], candidate dissertation on specialty 24.00.01 – theory and history of culture, St. Petersburg, 2014.
3. Afanaseva, L.V. Vzaimodejstvie Rossii i Yaponii v teatralnoj sfere [The interaction of Russia and Japan in the theatrical sphere], in *Nauchnoe mnenie: nauchnyj zhurnal / Sankt-Peterburgskij universitetskij konsorcium* [Scientific opinion: a scientific journal / St. Petersburg University consortium], 2013, no. 10.
4. Evlampiev, I.I., Malinov, A.V., Rybas, A.E. Chetvertye mezhdunarodnye chteniya po istorii russkoj filosofii “Rossijsko-yaponskij filosofskij dialog”, 20–22 sentyabrya 2016 g., Institut filosofii SPbGU [Fourth international readings on the history of Russian philosophy “Russian-Japanese philosophical dialogue”, September 20–22, 2016, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University], in *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2017, no. 10.
5. Larionov, I.Yu., Sokolov, B.G. *Myslit (so)vremennost. Blok “Z”: zona soznaniya* [To think (con)temporaneity. Block “Z”: zone of consciousness], St. Petersburg: Izd-vo RHGA, 2017.
6. Mirosnikova, E.P. Izdanie yaponskoj hudozhestvennoj literatury v Rossii [Publishing of Japanese fiction in Russia], in *Studia Culturae*, 2016, no. 29.
7. Podalko, P.E. *Yaponiya v sudbah rossijan: Oчерki istorii carskoj diplomatii i rossijskoj diasporы v Yaponii v konce 19 – nachale 20 veka* [Japan in the fate of Russians: Essays on the history of tsarist diplomacy and the Russian diaspora in Japan in the late 19th and early 20th centuries], Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, Kraft+, 2004.
8. Rybas, A.E. Strukturnye komponenty mezhkulturnogo prostranstva [The structural components of intercultural space], in *Studia culturae*, 2013, no. 18.
9. Smertin, Yu.G. Yaponskij neobuddizm vostochnyj idealizm i zapadnyj pragmatizm [Japanese neo-Buddhism: Eastern idealism and Western pragmatism], in *Studia Culturae*, 2014, no. 22.
10. *Sovremennye rossijsko-yaponskie otnosheniya i perspektivy ih razvitiya* [Modern Russian-Japanese relations and prospects for their development], I. S. Ivanov (ed.), Moscow: Speckniga, 2012.

DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.1.2>